

1937 года. Судебный отчет, который вы, уважаемый читатель, держите в руках, посвящен **Третьему процессу** над 21 членом так называемого антисоветского «Право-троцкистского блока». Это дело рассматривалось в марте 1938 года, по окончании процесса к смертной казни приговорены 18 обвиняемых.¹

Основными обвиняемыми были:

Николай Иванович Бухарин — один из виднейших большевиков, личный друг Сталина, называвший его на «ты» и «Коба», главный партийный идеолог газеты «Правда», занимавший в разное время множество высоких должностей. Узнав о первом процессе над Зиновьевым—Каменевым (которых приговорили к расстрелу), Бухарин отреагировал на это в письме Ворошилову так: «Циник-убийца Каменев — омерзительнейший из людей, падаль человеческая. Что расстреляли собак — страшно рад». Дело в том, что во время процесса Каменев и Зиновьев дали показания, которые потянули за собой новые расследования и дела. В том числе в отношении самого Бухарина.

¹ Помимо этих процессов в июне 1937 года состоялся еще один закрытый. Почему? Потому что на нем рассматривалось дело группы высокопоставленных военных, планировавших осуществить государственный переворот. Обвиняемыми по делу были: замнаркома обороны СССР маршал М. Н. Тухачевский, командующий войсками Киевского военного округа, командарм 1-го ранга И. Э. Якир, командующий войсками Белорусского военного округа, командарм 1-го ранга И. П. Уборевич, начальник Военной академии им. Фрунзе, командарм 2-го ранга А. И. Корк, комкор Р. П. Эйдеман, начальник одного из главных управлений Красной армии комкор Б. М. Фельдман, замкомандующего войсками Ленинградского военного округа, комкор В. М. Примаков и военный атташе в Великобритании, комкор В. К. Путна. Суть заговора состояла в следующем: во время парада войск арестовать Сталина и высшее руководство страны, не исключался и вариант их убийства. Одновременно с этим немецкие военные должны были осуществить подобную акцию в отношении Гитлера. После чего военачальники двух стран планировали устранить причины для военного столкновения между Германией и СССР. При этом после ареста Тухачевский написал «План поражения», в котором подробно, на нескольких десятках страниц, изложил намерения заговорщиков по организации военного поражения своей страны от Германии, если переворот и арест Сталина не удался бы (см: <http://vosovet.narod.ru/html/29.html>). Судили заговорщиков их коллеги — высокопоставленные военные, из числа которых было создано Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР. Приговор — смертная казнь.

Алексей Иванович Рыков — один из старейших членов ЦК партии, член Политбюро, с 1918 года руководил Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ), проводил национализацию промышленности, был заместителем Ленина, председателем Совнаркома СССР и РСФСР, наркомом связи. По иронии судьбы являлся наркомом внутренних дел первого Советского правительства — Совета народных комиссаров. То есть, по сути, предшественником и Дзержинского с ВЧК, и Ягоды и Ежова с НКВД. О характере этого человека многое говорит следующий факт его биографии: через месяц «наркомства» Рыков подписал заявление группы наркомов во ВЦИК об отставке, требуя создания правительства из всех социалистических партий. В последнем слове на процессе он заявил: «Я хочу, чтобы те, кто еще не разоблачен и не разоружился, чтобы они немедленно и открыто это сделали... помочь правительству разоблачить и ликвидировать остатки, охвостя контрреволюционной организации».

Генрих Григорьевич Ягода (Енох Гершенович Иегуда) — руководитель НКВД, возглавивший органы за четыре месяца до убийства Кирова. Даже на процессе (после которого его расстреляют) Ягода не отказывался от вины, но говорил, что не давал приказа убить Кирова, а просто скрыл информацию о его планируемой ликвидации: «Неверно не только то, что я являюсь организатором, но неверно и то, что я являюсь соучастником убийства Кирова. Я совершил тягчайшее служебное преступление — это да. Я отвечаю за него в равной мере, но я — не соучастник». Иными словами, соглашаясь со своей пассивной виной, он отрицал вину активную. Одним из обвинений против участников право-троцкистского центра было убийство сына Горького Максима Пешкова, а потом и убийство самого пролетарского «Буревестника». Убийство врачами, по приказу. Фантастика? Один маленький штрих. Жена Максима Пешкова Надежда была любовницей Ягоды. Сегодня это известный факт.

Христиан Георгиевич Раковский — весьма мутная личность. Болгарин по национальности, был активным участником революционных движений в нескольких странах (России, Болгарии, Румынии). После революции — Председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, глава ЧК Украины. В 1923 году — полпред (посол) в Англии, потом во Франции. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Характерная черта. В хрущевское время, когда все заговорщики и предатели, вероятно, сложнейшего из времен в истории нашей страны и нашего народа, разом стали «невинными жертвами», Президиум ЦК КПСС принял решение «Об изучении открытых судебных процессов по делу Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и дру-

гих». В итоге специальная комиссия 10 декабря 1956 года ОТКАЗАЛА в реабилитации Бухарина, Рыкова, Зиновьева и Каменева по причине «их многолетней антисоветской борьбы». Реабилитация этих деятелей состоялась лишь в 1988 году при Горбачеве, который продолжил и довел до логического конца работу всевозможных троцкистских центров в нашей стране.

Генрих Ягода не был реабилитирован даже во времена Горбачева, из чего можно сделать вывод, что, при всем желании, обелить этого «деятеля» не получилось даже у «прорабов Перестройки». Следовательно, преступления, в которых он обвинялся и за которые понес наказание, были абсолютно реальными.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу Бухарина Н. И., Рыкова А. И., Ягоды Г. Г., Крестинского Н. Н., Раковского Х. Г., Розенгольца А. П., Иванова В. И., Чернова М. А., Гринько Г. Ф., Зеленского И. А., Бессонова С. А., Икрамова А., Ходжаева Ф., Шаранговича В. Ф., Зубарева П. Т., Буланова П. П., Левина Л. Г., Плетнева Д. Д., Казакова И. Н., Максимова-Диковского В. А. и Крючкова П. П., — обвиняемых в том, что они по заданию разведок враждебных к Советскому Союзу иностранных государств составили заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения этих государств на СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке — в пользу упомянутых иностранных государств, наконец, свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма, восстановление власти буржуазии.

Произведенным органами НКВД расследованием установлено, что по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств обвиняемые по настоящему делу организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленение СССР и отторжение от него в пользу указанных выше государств Украины, Белоруссии, средне-азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья.

Следствием установлено, что «право-троцкистский блок» объединял в своих рядах подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, средне-азиатских республик, что подтверждается материалами не только настоящего следствия, но и материалами судебных процессов, прошедших в разных местах в СССР и, в частности, судебных процессов по делу группы военных заговорщиков — Тухачевского и других, осужденных Специальным присутствием Верховного Суда СССР 11 июня 1937 года, и по делу группы грузинских буржуазных националистов — Мдивани, Окуджава и других, осужденных Верховным Судом Грузинской ССР 9 июля 1937 года.

Лишенные всякой опоры внутри СССР, участники «право-троцкистского блока» все свои надежды в борьбе против существующего в СССР общественного и государственного социалистического строя и за захват власти возлагали исключительно на вооруженную помощь иностранных агрессоров, обещавших оказать заговорщикам эту помощь на условиях расчленения СССР и отторжения от СССР Украины, Приморья, Белоруссии, средне-азиатских республик, Грузии, Армении и Азербайджана.

Такое соглашение «право-троцкистского блока» с представителями указанных выше иностранных государств облегчалось тем, что многие руководящие участники этого заговора являлись давнишними агентами иностранных разведок, осуществлявшими в течение многих лет шпионскую деятельность в пользу этих разведок.

Это прежде всего относится к одному из вдохновителей заговора — врагу народа Троцкому. Его связь с Гестапо была исчерпывающе доказана на процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра в августе 1936 года и антисоветского троцкистского центра в январе 1937 года.

Однако имеющиеся в распоряжении следствия по настоящему делу материалы устанавливают, что связь врага народа Троцкого с немецкой политической полицией и разведками других стран относится к значительно более раннему периоду времени. Следствием точно установлено, что Троцкий был связан с германской разведкой уже в 1921 года и с английской «Интеллидженс Сервис» — с 1926 года.

Что касается привлеченных по настоящему делу, то значительная часть этих обвиняемых по их собственному признанию являются шпионами-агентами иностранных разведок уже длительное время.

Так, обвиняемый Крестинский Н. Н. по прямому заданию врага народа Троцкого вступил в изменническую связь с германской разведкой в 1921 году.

Обвиняемый Розенгольц А. П. — один из руководителей троцкистского подполья — начал свою шпионскую работу для германского генерального штаба в 1923 году, а для английской разведки — в 1926 году.

Обвиняемый Раковский Х. Г. — один из ближайших и особо доверенных людей Л. Троцкого — являлся агентом английской «Интеллидженс Сервис» с 1924 года и японской разведки — с 1934 года.

Обвиняемый Чернов М. А. начал свою шпионскую работу в пользу Германии в 1928 году, связавшись с германской разведкой по инициативе и при содействии небезызвестного эмигранта-меньшевика Дана.

Обвиняемый Шарангович В. Ф. был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 году.

Обвиняемый Гринько Г. Ф. стал шпионом германской и польской разведок в 1932 году.

Руководители «право-троцкистского блока», в том числе обвиняемые по настоящему делу Рыков, Бухарин и другие, были полностью осведомлены о шпионских связях своих соучастников и всячески поощряли расширение этих шпионских связей.

Все это достаточно объясняет, почему эти господа, состоявшие на службе иностранных разведок, с такой легкостью шли на расчленение СССР и отторжение целых областей и республик в пользу иностранных государств.

Соглашение «право-троцкистского блока» с иностранными разведками также облегчалось и тем, что некоторые из обвиняемых по настоящему делу заговорщиков являлись провокаторами и агентами царской охраны.

Пробравшись на ответственные посты в Советском государстве, эти провокаторы, однако, не переставали опасаться разоблачения своих преступлений против рабочего класса, против дела социализма. Охваченные постоянным страхом своего разоблачения, эти участники заговора видели свое единственное спасение в свержении Советской власти, ликвидации советского строя, восстановлении власти помещиков и капиталистов, в интересах которых они продавались царской охране и при которой они только и могли чувствовать себя вне опасности.

Так, обвиняемый Зеленский И. А. являлся агентом самарского жандармского управления с 1911 года. С того времени Зеленский под кличками «Очкастый» и «Салаф» систематически информировал жандармское управление о деятельности самарской организации большевиков, получая за это регулярно ежемесячное денежное вознаграждение.

Обвиняемый Иванов свою провокаторскую деятельность начал с 1911 года, когда был завербован тульской охранкой и стал агентом охраны под кличкой «Самарин».

Обвиняемый Зубарев был завербован царской полицией в 1908 году и сотрудничал в ней под кличками «Василий», «Палин» и «Прохор».

Как установлено следствием, для достижения своих преступных целей по свержению Советского правительства, захвату власти и восстановлению капитализма в СССР заговорщики, по прямым указаниям иностранных разведок, вели широкую шпионскую работу

в пользу этих разведок, организовывали и осуществляли вредительские и диверсионные акты в целях обеспечения поражения СССР в предстоящем нападении на СССР фашистских агрессоров, всячески провоцировали ускорение этого нападения фашистских агрессоров, а также организовали и осуществили ряд террористических актов против руководителей партии, правительства и выдающихся советских деятелей.

І. ШПИОНАЖ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ИЗМЕНА РОДИНЕ

Следствием установлено, что большинство главарей «право-троцкистского блока», обвиняемых по настоящему делу, осуществляло свою преступную деятельность по прямому указанию Троцкого и по планам, широко задуманным и разработанным в генеральных штабах некоторых иностранных государств.

Агент германской разведки — видный троцкист обвиняемый Крестинский — на допросе в Прокуратуре Союза ССР 2 декабря 1937 года заявил:

«На шпионскую связь с немцами я пошел по прямому заданию Троцкого, который поручил мне начать по этому поводу переговоры с генералом Сектом...»

(т. 3, л. д. 102).

Касаясь обстоятельств установления связей троцкистской организации с немецкой разведкой, обвиняемый Крестинский показал, что он зимой 1921 года вел с командующим германским рейхсвером генералом Сектом переговоры о получении от рейхсвера денежных средств для ведения троцкистской подпольной работы взамен предоставления троцкистами немецкой разведке шпионских материалов.

Обвиняемый Крестинский по этому поводу показал:

«...Троцкий поручил мне по приезду в Берлин завязать по этому вопросу переговоры с генералом Сектом. Эту директиву Троцкого я выполнил...»

(т. 3, л. д. 14 об.).

Обвиняемый Крестинский, говоря далее о своей и своих сообщников изменнической деятельности, показал:

«С генералами Сектом и Хассе мы договорились о том, что будем содействовать рейхсверу в создании на территории СССР

ряда опорных разведывательных пунктов, путем беспрепятственного пропуска командированных рейхсвером разведчиков, и что мы будем снабжать рейхсвер разведывательными материалами, то есть, попросту говоря, будем немецкими шпионами. За это рейхсвер обязался ежегодно выплачивать 250.000 марок в виде субсидии на контрреволюционную троцкистскую работу...»

(т. 3, л. д. 102).

«Выплата денежных субсидий производилась регулярно, частями, несколько раз в год, главным образом, в Москве и изредка в Берлине...

В Берлине эти деньги, когда их по тем или иным причинам не выплачивали в Москве, получал я непосредственно от Секта, обычно отвозил в Москву сам и передавал Троцкому».

(т. 3, л. д. 15).

Другой видный троцкист, один из руководителей антисоветского троцкистского подполья и активный участник заговора, обвиняемый Розенгольц, уличенный в шпионаже, подтвердив на следствии факт соглашения Троцкого с рейхсвером, показал:

«Моя шпионская деятельность началась еще в 1923 году, когда по директиве Троцкого я передал ряд секретных данных командующему рейхсвером Секту и начальнику немецкого генштаба Хассе. В дальнейшем со мной непосредственно связался..... посол в СССР г-н N, которому я периодически передавал сведения шпионского характера. После отъезда г-на N я продолжал шпионскую связь с новым послом, г-ном N.

(т. 6, л. д. 131 об.).

После фашистского переворота в Германии шпионская работа троцкистов приняла еще более широкий и резко выраженный поразительный характер.

Обвиняемый Бессонов, по его собственному признанию принимавший активное участие в нелегальных переговорах троцкистов с германскими фашистскими, преимущественно, военными кругами о совместной борьбе против СССР, не только лично вел переговоры о поддержке антисоветского заговора с ближайшим сотрудником Розенберга по внешне-политическому отделу фашистской партии Дайцем, но и был в курсе встреч и переговоров Л. Троцкого с Гессом, Нидермайером и профессором Хаусховером, с которыми Л. Троцкий и достиг соглашения на условиях, о которых говорил

Пятаков на судебном процессе по делу антисоветского троцкистского центра. Обвиняемый Бессонов показал, что:

«...как видно из этих условий... центр тяжести подпольной работы троцкистов переносился на подрывные, шпионские, диверсионные и террористические акты внутри СССР».

(т. 11, л. д. 106).

Наличие соглашения Л. Троцкого и троцкистской организации в СССР с фашистскими кругами и Проведение в СССР подрывной пораженческой работы по указаниям германской разведки признали на следствии и другие обвиняемые по настоящему делу.

Однако связями с германским фашизмом пораженческая работа троцкистских наймитов не ограничивалась. Они вместе с другими участниками антисоветского заговора, в соответствии с линией Л. Троцкого, ориентировались и на другого фашистского агрессора — Японию.

Фактическая сторона изменнических отношений антисоветских заговорщиков с японской разведкой представляется по материалам следствия в таком виде.

Как показал обвиняемый Крестинский, во время свидания с Л. Троцким в Меране, в октябре 1933 года, Троцкий ему заявил о необходимости установления более тесной связи с японской разведкой.

Это указание Троцкого было Крестинским передано Пятакову и другим главарям заговора, которые через обвиняемого Раковского и других участников заговора вошли в изменнические сношения с представителями Японии, обязавшимися оказать заговору вооруженную помощь в свержении Советской власти, взамен чего заговорщики обещали отдать Японии советское Приморье.

Как установлено следствием, обвиняемый Раковский в связи с его пребыванием в Японии летом 1934 года получил от Пятакова указание о том, что —

«... нужно усилить одновременно и внешнюю деятельность в смысле контакта с враждебными СССР правительствами..., надо попытаться использовать поездку в Токио, и что, вероятно, предпримет необходимые шаги в этом направлении».

(т. 4, л. д. 194).

Это поручение обвиняемый Раковский выполнил и, находясь в Токио, действительно установил преступную связь с кругами.

По этому поводу обвиняемый Раковский показал:

«Все эти обстоятельства имели своим логическим и практическим последствием тот факт, что я... стал со времени моего пребывания в Токио прямым агентом-шпионом , будучи завербован для этой цели, по поручению , г-ном N, влиятельнейшим политическим деятелем капиталистическо-феодальной Японии и одним из крупнейших ее плутократов».

(т. 4, л. д. 186).

Тот же обвиняемый Раковский, говоря о связи врага народа Л. Троцкого с английской разведкой, показал:

«Троцкий, как мне было известно, являлся агентом «Интеллидженс Сервис» с конца 1926 года. Об этом мне сообщил сам Троцкий».

(т. 4, л. д. 363).

Входившие в состав «право-троцкистского блока» группы буржуазных националистов также были теснейшим образом связаны с иностранными разведками.

Так обвиняемый Гринько, являвшийся агентом немецкой и польской разведок, касаясь антисоветской деятельности украинской национал-фашистской организации, одним из руководителей которой он являлся, показал:

«... к 1930 году относится обсуждение в нашей организации вопроса о необходимости договориться с Польшей об оказании военной помощи повстанческому выступлению на Украине против Советской власти. В результате этих переговоров с Польшей было достигнуто соглашение и польский генеральный штаб усилил переброску на Украину оружия, диверсантов и петлюровских эмиссаров».

(т. 9, л. д. 18).

И далее:

«В конце 1932 года я, на почве моей националистической работы, вступил в изменническую связь с г-ном N. Мы встречались с ним в моем служебном кабинете, куда г-н N являлся по делам германской концессии».

«Во второй половине 1933 года г-н N мне прямо сказал, что германские фашисты хотят сотрудничать с украинскими националистами по украинскому вопросу. Я ответил г-ну N согласием на сотрудничество. В дальнейшем, на протяжении 1933–1934 годов у меня было несколько встреч с г-ном N, а перед его отъездом из СССР он связал меня с г-ном N, с которым я продолжал свои изменнические сношения».

(т. 9, л. д. 286 об.).